

ДРЕВНИЙ РУСИЧ КАК ЭТНОГРАФ И ЛЕКСИКОЛОГ

Мнение о начале в национальный период осознанного отношения к проблемам развития и функционирования языка вполне справедливо и никем не оспаривается. Тем любопытнее более ранние (до XVIII в.) примеры внимания к речевым фактам, особенно процессам номинации, у древнерусских книжников. О некоторых типах подобной рефлексии, отраженной в старорусской деловой письменности, и пойдет речь в настоящей статье.

В период Московской Руси кодифицирующая роль московского приказного делопроизводства проявлялась в том, что, используя в имущественных росписях название какой-то хозяйственной реалии, писец, не уверенный, во-первых, в общерусском характере слова, во-вторых, в знании читателем хозяйственной полезности того или иного предмета, во избежание непонимания, двусмысленности старательно описывал функцию, предназначение предмета, помогая читателю правильно идентифицировать упоминаемую вещь. Подобная практика способствовала включению функционального компонента в семантическую структуру слова.

Вот некоторые наиболее показательные примеры такого рода (иллюстрации передаются средствами современной графики; курсив везде наш. — Г. С.): *анбар рыбной с мостомъ, где рыбу солят, да анбарец неводной, где сети держат* (1618 г., Соловецкий мост. — АХУ, ч. 11, с. 276); *скотной двор, а на нем строенья ... омшеник да овцам рубленой анбар да 2 повети коровам* (XVII в., опись — ДТГ, с. 266); *анбар Фомки Ситникова кладут рогожи и лапти; анбар Костьки Автамонова бьют в нем животину* (1676 г., писец. кн., Юрьевец Поволж. — Мат. Костромы, с. 152); *анбар, что хлеб меряют, да сарай, что кладут соль* (1637 г., опись Шуйск. там. избы — Влад. губ. вед. 1856, № 28); *в те анбары кладут известь* (1670 г., роспись, Архангельск — ДАИ, т. 6, с. 37); *Двор скотной а на нем 8 анбаров, в 2 анбарах 58 стойл для коров; построен анбар овцам* (1677 г., Моск. у. — Опис. аптек. 89, 91); *да на твои, великого государя, большие товарные весы важня... а важня, государь,*

учинена для того, что они товары на том дворе весили... на том же дворе сарай, где соль кладут (1663 г., роспись построек, Псков — Рус-швед. отн., 226); *пробивати ему воск в воскобойне* (1630–40 гг., там. кн. — Н. Новгород в XVII в., С. 76); *д. Горка, а в ней дворец коровей, живут коровники* (1543–44 гг., Вологодский у. — Шумаков, 64); *двор воловей... а на том дворе животины 35 коров* (1672 г., — Опис. аптек. 101); *2 денника, в чем животина живет, перед вороты 2 житницы, а в них хлеб* (1677 г. Москва — Опис. аптек. 118); *кузница, где летом кузнецы к каменному строенью всякое кузнечное дело куют и связные свары сваривают* (1670 г., роспись, Архангельск — ДАИ, т. 6, с. 40); *огуменник, а в нем соломы старой 7 ометов ржаной да омет овсяной* (1677 г. — Опис. аптек. 98); *амшеники тем пчелам к зиме построены* (1665 г., запись — ДТП, 1111); *на тех пасаках... старую и молодую пчелу во мшенички поставитъ* (1676 г., Белгород, отписка — Багалей-2, 90); *погреб... а в нем ставят молочные скопы* (1677 г., с. Пахрино — Опис. аптек. 95); *два сарая кирпичных, кирпич жгут* (1627–28 гг., писц. кн., Ярославль — А. Сп. м., вып. 3, с. 80); *построить сараи, в которых тех лошадей кормить и беречь, где пристойно* (1664 г., запись — ДТП, кн. 1, 1095); *поставить анбар — тот же сенник, в чем сено клали* (1631 г., память, Суздаль — Влад. губ. вед., 1855, № 8); *сушило о 2 жильях 5 сажен, а в них лежит лен* (1677 г., с. Пахрино — Опис. аптек. 95); *поставлена швалня шьют на братью всякое брацкое платье* (1684 г. опись С.-Прил. м. — ВОКМ, № 2163, л. 198).

Обратим внимание на разнообразные функции *амбара-анбара* и *сарая*: это и постройка для содержания скота, и кладовая, и производственное сооружение. По-видимому, решающим был тип постройки (материал для стен, особенности дверей), ее местонахождение (в составе скотного двора или в производственном комплексе) и т. п.

Все приведенные примеры относятся к названиям хозяйственных и производственных построек. Дополним этот ряд примерами из церковного и государственного делопроизводства, географической литературы, из художественных описаний: *в пекленницах, иде же пекутца хлеба* (XVI в., Стоглав — Тр. Новгород. ГУАК, вып. 1, с. 126); *поставил театрум, то есть каменное зело высокое здание со многими теремы для всяких комедий, то есть действнных потех* (1670 г. — Космография, с. 384); *указал учинити комедию... и*

для того действия устроить *хоромину* вновь... И по тому великаго государя указу *камидейная хоромина* построена (1672, Дворцовые разряды — Лет. рус. лит-ры, с. 28); И в год его царского обеда дверем сущим отверстым *полаты* тоя, *идеже кушал*, всякому внити невозбранно повелевая, тогда во множестве иных *в столовую* оную *полату* вниде Мартин Лютор (кон. XVII в. — Державина, с. 404).

Иногда пояснялась функция предметов мебели или хозяйственных снарядов разного назначения: куплен замок *x казенке*, что в верхней полате, *где лежит бумага и свечи* (1658 г. — Кн. расх. Помести. приказа, с. 296); куплено на *носилки* лубья и гвоздья, *на чем носить навоз* (Заб. Мат., с. 326).

Именно функция считалась определяющим признаком предмета, сделанного человеком для своих нужд, поэтому старорусские лексикографы, раскрывая значение слова, тоже иногда указывали на назначение предмета: Водоважда: *капар, смокъ што воду вытягаеъ в гору*; Врачебница: *дом где лечат*; Бодец: *остен чем волы поганяют* (Бер., с. 16, 17, 187); Журавель: *очепъ чем воду черпаютъ* (1700 г. — Номенклятор немецк., с. 20).

Дополнительно заметим, что указание на род занятий, на выполняемую работу часто выступало мотивирующим признаком для номинации лица по профессии, что подчеркивает социальную значимость этого качества в оценке личности древним русичем: Жил в дворе *поварок Шестюнка ести варил* и хлебы пекъ; нанели *дрововоза Нечку Росиху* из ысад к варнице *дров придвигати*; *розгребалцикомъ* дали семь алтын *розгребали* в поле навоз, наимовали *вожселников возити навоз в поле* (1607 г., Тотьма, кн. пр.-расх. — ГАВО, ф. 512, оп. 1. № 6, л. 49–49 об., 142 об.); К Велику дни *варили пиво*. *Пивовару* дал *от варенья* два алтна четыре денги (1655 г., Тотьма, кн. пр.-расх. — ГАВО, ф. 512, № 46, л. 48 об.); торговых дву *банъ банцики* (1622 г., кн. прих. Туринского острога — АЮБ, т. II, с. 302); дано *рукавишнику* слобожанину Федру *от исподок от вязаня* пят алтнъ (1622 г., кн. пр.-расх. арх. — ГАВО, ф. 883, № 12, л. 170 об.); дано *бочернику от набою от бочек и от чанов набивал обручи* (1633 г., С.-Пр. м. — ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 33, л. 23); наимовал *изженницъ рож жат* (1638 г., Вологда, кн. пр.-расх. — ГАВО, ф. 883, № 18, л. 126); наимовал *бороноволокковъ* паренину *боронити* и навоз *вываживат* осмерым *вываживалциком* дал 6 ал 4 де (1663 г., пр.-расх. кн., Вологод. у. — ВОКМ, № 2284/4131, л. 9 об.); давано *поялциком* поденного корму, как были у магистра *для*

полянъя лат в камидейные хоромы (1672 г., Москва — Моск. театр, 12); работат ему и жит в *подконошниках* и *пасты коней* у мнстря в поскотине (1689 г., пр.-расх. кн. Тр.-Гледен. м. — ВОКМ, №9548, л. 10).

Оценим другой прием характеристики предмета, также часто употребляемый писцами. Стремясь точно и ярко описать предмет, древнерусский книжник использовал тождесловы — слова той же лексико-семантической или тематической группы: родовые наименования или названия, представляющие разные стороны и качества описываемой вещи.

Писец, создатель текста, использовал синонимические наименования (однословные и составные) внутри одного и того же текста, в том же или следующем предложении: Да как оне тое рухлядь вынесли *из избы* на двор, и купчина с сыном своим за ними ж за сторожи пошел *ис хором* (1595–98 гг., посол. Тюфякина — Пам. моск.-перс., т. 1, с. 387); в Гостиной улице *изба богаделенная*, а в ней десять человек богадельных старцов... да к той же *богадельне* дано всем богадельным старцам на огород пустово порозжево места (1696–98 гг. — А. Можайск., с. 67); жили во дворе *в детех* наемные казаки Бгдашко да Антонко... наимовали во двор *в детеныши* Ивашка (1607 г., Тотьма, кн. пр.-расх. — ГАВО, ф. 512, оп. 1, №6, л. 48 об.); запечатано было то вино на кабаке в задней *избушке*... а стояло то вино на кабаке в *ызбе* въ задней (1613 г., Белоозеро — А. Подмоск., с. 140); смечали и ценили в Шуе *тюрму* и около тюрьмы тын и *стороженю*... *тюремная изба* в тыну трех сажен да *изба стороженная* полутретьи сажени (1636 г., роспись, Шуя — АЮБ, т. III, с. 375); и как мы будем у *коровья дворца*, и те люди проводили нас в Ъвановской монастырь... нас проводил от *коровни* в Ъвановской монастырь (1636 г., В. Устюг, явка — АХУ, ч. 3, с. 193); нанял Михея Григорьева сна Кожина в *валезь* на четьреста сажень... нанял на четьреста сажень на *валезные дрова* (1655 г., Тотьма — ГАВО, ф. 512, №46, л. 67); на горе же *харчевенные избы*, которые написаны в оклад... с *ызбы*, что возле Родкины *харчевни*, оброку рубль (1665–67 гг. — Пр.-расх. кн. Синбирск. приказной избы, 30); сделана *поваренная полата* в дву анбарах а среди той *поварни* для крепости с старого буту сделан столб (1671 г., роспись, Архангельск — ДАИ, т. 6, с. 147); вышел на *боровое место* на *сухмен*... прилегли *места сухменные* и нетравяные в тех местах (1689 г., Вологод. у., записка — ГАВО, ф. 1260, кор. 11); лежал в

сторожке без памяти... Фаддеико к нему монаху для посещения в *сторожню* приходил... Иеромонах Герман постригал ево Макария в городе Каргополе в тюремной *сторожесовой избе* (1690 г., Каргополь, допрос — Олонек. сб., вып. 3, с. 120).

Подобные случаи свидетельствуют о стремлении писца и к более точному обозначению реалии, и к разнообразию языковых средств. Последнее обстоятельство было решающим при создании художественного текста, см.: повелеваю ти ити в *домъ* свой, и повеле у *здания* своего въ стене устроить гробъ (XVII в., Пов. о Щиле — Пам. СРЛ, вып. 1, с. 21); Некий человек *дом* имея великий прилучен же бе стеною ко *хлевинке* убогаго некоего работнаго человека... двияшеса убогаго *житию*, како в *хижице* своей и в толиком убогом *жителстве* непрестанно веселится... прииде же ко убогому во убогий *домик* его, вопросы жену его... принесох аз мех серебра тайно и привесих во дверех *храмины* твояе (кон. XVII в. — Державина, с. 347–348).

Отдельно приведем пример сознательной рефлексии по поводу слов *сенник* — *потклет* в Домострое при описании свадебного чина: И как время приспее, пошлют от тестя к жениху старшего слугу сказать, что друшка и сваха едутъ с постелею, велите указать *сенникъ*, и к которому месту приехати, а по *обычному потклетъ*; и как приедут на дворъ и идут в *сенникъ* а по *простому в потклет* (XVII в. — Домострой. Заб., с. 172, 183). Здесь *сенник* оценивается как слово высокое, соответствующее значимости свадебного обряда, а *потклет* — обычное, простое, разговорное.

Этот прием среди прочих активно использовала лексикография той поры, ср. разные приемы определения значения слова в словаре П. Берынды: Горница: на горе на будовилю дом; Гостиница: домъ гостинный; Дреколь, алябарта, галябарда, албо кий, сокира, рогадина; Преторъ: ратушь, домъ судовый, судилище; Хранило, хранилище, стражъ: сторожа, вежа, або башта, где стражъ стережет, темница (Бер., с. 27, 28, 33, 97, 145). Ср. то же в словарях XVIII в.: Рожонъ, остень (1700 г. — Номенклятор голланд., с. 76); Килимъ, или коверъ; серги, зри оусерязи; оужище корабельное, или конатъ (Поликарп., с. 314, 642, 730).

Далее на новом материале рассмотрим динамику в старорусский период микрогруппы «наименования бани». Баня входила в состав почти каждого двора, были и общественные бани. Свообразие ситуации объяснялось одновременным употреблением в язы-

ке, зачастую на одних и тех же территориях, нескольких наименований, различающихся по мотивационным признакам, по времени возникновения и по преимущественной сфере употребления (тексты соответствующих жанров).

Примем следующую версию распределения слов (и составных наименований с ними) по времени преимущественного употребления: **древнерусский период** (X–XIII вв.) — *мвзь* (*мвзня*, *мвзива*, *мвзьница*) — от глагола *мыти*, *истобзка* — от глагола *истопити*, *пърть*, *баня* — заимствование из латинского, *лазьня* — от глагола *лазити*; **старорусский период** (XIV–XVII вв.) — *байна* — *байня*, *мыльня* — *мыльна* — от *мыло*¹. Последнее связано с распространением в России мыла, первые мыльни появились в царском обиходе. Кроме того, мыльней называли не только всю баню, но и часть бани, где мылись с мылом, в отличие от парной с полком, где парились.

Слово *мыльня* (*мыльна*), успешно соперничавшее в XVI–XVII вв. с названием *баня* (и его производными), в письменности впервые зафиксировано в 1522 г. (СлРЯ XI–XVII, вып. 9, с. 331), севернорусский вариант *мыльно* — в 1553 г. (там же, с. 330). Есть возможность уточнить данные СлРЯ XI–XVII. По словарю, демикутив *мыльничко* впервые отмечен в текстах в 1577 г. (там же), слово *мыленка* — в 1578 г. (там же). А вот наши факты: место дворовое пусто, а хором на них избишко да *мыльничко*; дер. Подрезово пусто, а в ней хором: 3 дв. пусты, 3 избы, 3 сенишка да *мыльничка* (1539–1540 гг., Москва — Кн. п. Моск., т. 2, с. 298, 300).

В XVII в. слово *мыльня* со своими производными особенно активно в московской приказной письменности (царские указы воеводам, воеводские грамоты на местах), поэтому оно было известно практически повсеместно, встречается в пословицах и в фольклоре: Алчень в кухарне, жаждень в пивоварне, а нагъ бос в *мыльне*; Веникъ в *мыльне* всемъ господинъ (XVII в. — Симони, с. 76, 87); Его матушка родная / Опосля его не вдолге / Белу мыленку топила (Соболевский, с. 99).

Словари пока не учли фразеологизированного составного названия *торговая мыльня*, см. пример: Взял я, холоп твой, из оброку на Короче твою государеву *торговую мыльню* на год (1646 г., чел.

¹См.: *Козырев И. С.* Из истории формирования словарных составов русского и белорусского языков (баня — лазня) // *Русский язык*. Минск, 1981. С. 104–106, 111.

казака П. Гунбина — Короча, с. 216). Заметим, что ряд составных названий со словом *баня* гораздо богаче. Из сочетаний *мыльня с сенми, перед мыльной сени* (1583 г., Новгород — Заб. Дом. быт, ч. 1, с. 442) позже формируются *мыленные сени (передмыленье)* (1681 г., Москва — там же, 414) и *мыльня с передбаньем* (1689 г., кн. описи Голицыных — Д. Шакл., т. IV, с. 186).

Слово *баня* (со своими производными), будучи зафиксированным в письменности с XI в. (Востоков, т. 1, с. 10), благополучно пережило бури времени и широко употребляется в современном русском языке. Для его древнерусской и старорусской биографии характерно следующее: банное омовение как часть свадебного обряда, баня как знак крещения и символ духовного очищения (*баня, мыющая скверну*) способствовали закреплению слова в прямом и метафорическом значении во всех жанрах письменности и без территориальных ограничений. Кстати, мыльня таким знаком очищения не являлась, и слово *мыльня* в текстах церковно-религиозного содержания не зафиксировано. См.: Мамельфа же моляше абие приятии *баню безсмертия, рекше крещения* (XVI в. — ВМЧ, окт. 4–18, 809); Вы породилися и *банею святого крещенья* освятились (1614 г., соборная грамота рос. духовенства — ААЭ, т. III, с. 53). В то же время, если речь шла о бане как помещении для гигиенических целей, то эти два слова свободно замещали друг друга: Я холоп вашъ у себя на дворе *баню* топил и парился; топил ночью *мыльню* (1633 г., чел., Москва — МДВП, с. 48, 49); А в *мыльню* де Григорей с мужиком шли пеши, а из *бани* ехали в санях (1649 г., Москва — Яковлев, с. 226). В словарях начала XVIII в. приводятся чаще два этих слова как наиболее распространенные: О мылни, или баини; мыльня баиня (1700 г. — Номенклятор голланд., с. 94); баня — мыльня; мыльня — баня (1-я пол. XVIII в. — Рук. лекс., с. 34, 187).

К сожалению, в словарях пока не зафиксированы составные наименования *торговая баня, откупная баня* и др., хотя, например, о торговых банях как о типичном явлении писали даже иностранцы, посещавшие Москву: «... бани существуют и общественные, назначенные для пользования тому и другому полу, где за небольшую плату их владельцу народ моется, по крайней мере, два раза в неделю»². Приведем по одному примеру на популярные названия: Да

² *Яков Рейтенфельс*. Сказание святейшему герцогу Козьме III Тосканскому о Московии. Падуя, 1680. М., 1905. С. 153.

на Воронеже ж у реки Воронежа на берегу *оброчные бани*, оброк с тех бань платят ежегодно воронежским воеводам (1615 г., писц. кн. Воронежа — Мат. Ворон II, с. 20); Да на Можгае ж реке *баня государева*, топят верные целовальники государю из прибыли (1616 г. — А. Можайск., с. 96); *откупная баня* на Нижнем посаде (1621–22 гг., Н. Новгород, писц. кн. — РИБ, т. 17, с. 208); а отданы дрова к большой *бане к женской* цоловалнику (1619 г., Астр. акт. №411, сст. 1 — КДРС); против башни по-за городью *торговые бани* (1629 г., Москва, роспись Китай-города — АС, т. II, с. 732); Да ему же Ондрею и *белая баня*, и тое баню перенести ему с того места на свою ж на деленную землю (1629–39 гг., раздельная, Сольвычегодск — ДАН, т. II, с. 91); Устюжанин Семен Петров Оленев в *таможенной бане* в каменнице кожушные дуги кирпичем выкладывал (1676–77 гг., В. Устюг — ТК, т. III, с. 124).

В нашей картотеке более ранней цитатой, чем в СлРЯ XI–XVII (1599 г. — 1, 66), зафиксировано слово *байня*: Изрубили избу в дрова на приежжом дворе и *байню* (1583 г., расх. кн. Тотем. сол. промысла — ВХК XVI в., т. 1, с. 39).

Архаизмом для общерусского языка становится слово *лазня*, хотя оно и включается в словари XVII–XVIII вв. Единственный случай его однозначного употребления, причем в сочетании *торговая лазня*, относится к старообрядческой практике: А егда мужики и женки приходят мыться в *торговую лазню*, тогда верхнее платье скинув с себя, такожде и пояс, и рубаху, и штаны, крест поверзает (1666 г. — Суб. Мат., т. IV, с. 222). Разумеется, сказанное не отрицает факта его длительного употребления в диалектах, особенно на территориях, где были распространены «бани по-черному». То же относится к лексеме *мовница*, которая на протяжении всего старорусского периода последовательно употреблялась в письменности Великого Устюга и Галича: Того же лета погоре на Устюге от скоморошья *мовницы* посад (сп. кон. XVII в., Устюж. лет — ПСРЛ, т. 37, с. 50); двор в тыне, изба, мовница, да и со всеми хоромы (1501, суд. список, Галич — АСЭИ, т. III, с. 271). Уникальный случай употребления слова *теплица* наряду с лексемой *баня* объясняется желанием писца разнообразить номинацию реалии в художественном тексте: Но обычай бяше новобрачным ради измовения тала в баня входити, и по совокуплении того с своею купно з госпожею и женоу вниде той предиреченный отрок в *теплицу*. Но зде страх, зде трепет! Дивно чудо содеяся тогда, внегда отрок вниде в

баню (1616–19 гг. — Вр. Ив. Тимоф., с. 99). Слово *теплица* еще регулярно включалось лексикографами XVIII в. в словарные труды (Номенклятор голланд. 1700 г., с. 21; Вейсман, с. 64).

Третья особенность характеристики предмета древнерусским писцом — подчеркивание его особого признака. Учитывая разнообразие бытовых реалий и иных предметов материальной культуры, множественность их наименований на огромных российских территориях, древнему русичу в интересах общения с жителями других областей приходилось выбирать такие номинативные единицы, в которых легко вычленился мотивировочный признак или достаточно точно назывался характерный признак предмета: *дровяник, книгохранительница, портомойня, столовая — горница столовая, изба кожевная, сарай кирпичной, камидейная полата*. Ср. названия разных хозяйственных построек, образованные с одним и тем же корнем *кон-*: переписать также *в конюшнях лошадей* и *в конюшенных анбарах кореты* (1689 г., наказн. память, Москва — Д. Шакл., т. III, с. 170).

В рамках намеченной темы (о процессе номинации предмета в древнерусском языке вообще и о выборе конкретного наименования при создании конкретного текста) коснемся судьбы такой «деликатной» лексико-семантической группы, как названия отхожего места.

Семантическим стержнем группы был корень *-ход-* со значением движения: *выход, заход, отход*. К этим словам присоединялись *задец* (от корня *зад-* с учетом местоположения по отношению к жилому дому туалетной пристройки) и *нужник* (от общеславянского *нужа, нуда*). Все слова, входящие в это сообщество, имели исконное происхождение.

Выход: Дано Березовского стана Мокею Печенкину, вычистил *выход* у приказной избы, тридцать алтын (1678–79 гг., расх. кн., Хлынов — Тр. Вят. УАК, вып. V, с. 74). См. еще пример употребления *выход — отход* в одном тексте: на кружечном дворе починить *выход*, да перед старою горницею сени приклонные, да *отход* рубленой (1672 г. Тула, смета — АЮБ, т. III, с. 377). Слово *выход* отмечается в вятских и тульских актах.

Заход: Чистили столоваи кельи *заход*, дано 4 алтына (1666–67 гг. — Кн. пр.-расх. Волоколам. м., с. 379). В СлРЯ XI–XVII приведены два примера из текстов, вышедших из старообрядческой среды. Есть также пример из Возвещения протопопа Аввакума: У власти тех от воздержания тово великого *заходы*-те насраны пол-

ны (1676 г. — ТОДРЛ, т. 36, с. 148). В лексиконах XVII—XVIII вв. это слово отмечено наряду с другими: heimlich gemacht (тайно делать. — Г. С.) — отход, задець, *заход* (Вен. сл., 262); *заход* — нужник, отход (Рук. лекс., 118); das Prifet, *заход* (1765 г. — Целлариус, с. 203). Думается, что можно фиксировать ограниченное употребление этого слова, что определялось разговорно-просторечным характером слова.

Кажется, самым распространенным в старомосковский период было слово *отход* (в нашей коллекции зафиксировано более двадцати примеров, в том числе более десяти иллюстраций только из расходной книги Поместного приказа): тех служилых людей наругаючися посадил в тюрьму под аманатцкой *отход*, и якуты и жонки якутцкие сверху на голову нам холопом твоим и на ядь нашу мочилися и калилися (1645 г., чел., Якутск — Колон. Якут. 34). В лексиконе отмечено: *Отход* — нужник, *заход* (Рук. лекс., с. 260). Зафиксировано и составное наименование *чюлан отходной*: в тех же сенях *чюлан отходной* с дверми, чюлан забран тесом (1682 г. — Заб. Дом. быт, ч. 1, с. 579).

Слово *задець* пыталось соперничать с лексемой *отход* по широте территории и частоте употребления (особенно показательны в этом отношении два последних примера из приводимых ниже): задець чистили, дал 1 ден. (1 деньгу) (1597 г., Сольвычегодск, кн. расх. — ВХК XVI, т. 1, с. 170); пяти человеком от *задца* от чищенья рубль шесть алтын (1650 г., Москва — Кн. расх. Помест. пр, кн. 1, с. 390); бобыл Гришка Савелев чистил *затцы* (1668 г., Вологда, кн. пр.-расх. — ГАВО, ф. 883. л. 80 об.); срубить и поставить и сомшить горница с комнатою. . . с повалышею и с *задцом* да задняя горница. . . с чюланами и с *задцом* (1672 г., Олонец, поручная — АЮБ, т. 1, с. 328); велел завезть, где б люди не видали, где у него *отходные задцы*, и, растянув меня, велел держать за руки и за ноги и велел бить (1676 г., Коломна, допрос — Д. Пос. Колом., с. 100); да в той же малой полате прежней *задець* заделать, а вместо того сделать новой *отход*. . . и в *отходе* сделать окошка небольшие и двери в *отход* сделать с рамами (1694 г., дом патриарха — Мат. Москвы, кн. 1, с. 939).

Слово *нужник* появляется в письменности при описании царских палат в последнем десятилетии XVII в., причем ему предшествует составное наименование *нужный чюлан*: куплено в село Преображенское. . . на государев двор. . . к сеням и к *нужному чюлану*

железного ряду у Ивана Тимофеева 4 жиковины черны (1691 г. — Сб. Петра, т. 1, с. 357); в сенях *по чулану по нужнику* (1693 г. — Сб. Петра-1, 373); наняты чистопряты вычистить *нужники* (1696 г., Москва — Заб. Мат., т. 1, с. 320).

Эвфемизм церковнокнижного происхождения, изобретенный древнерусским книжником, *нужная места утробныя потребности* не получил распространения, но сам факт его употребления характерен: Мирьская чадь, видящи его тружающуюся, и братня келия поставляюща своима рукама, и *нужная места утробныя потребности* устаяща... удивляеми бяху о смиреннии старца (XVI в., 57 — Ж. Дан. Пер.). Как пример данного эвфемизма, так и семантика корней всей данной лексико-семантической группы позволяют утверждать, что, несмотря на всю простоту нравов того времени, понятия естественной стыдливости были доступны древним русичам. Ср. противоположное мнение по поводу других, но подобных слов: «Все эти слова были в живом употреблении и не осознавались как грубые, просторечные, поскольку описывали вполне естественные состояния. Некоторая ханжеская жеманность в литературном языке возникла чуть позже, в XIX веке. Именно тогда естественность ощущений и чувств стали прятать за эвфемизмами и отвлеченными оборотами речи»³. По нашим сведениям, русский человек и в пору средневековья хорошо понимал, какие слова следует включать в письменный текст, какая фразеология допустима в разговоре на завалинке, а что можно сказать только в мужском кругу.

Средневековая усадьба русича и в сельской местности, и в городе была непременно обнесена оградой: «кругом озаборено» — так описывается хозяйственный двор Нило-Столбенской пустыни в 1663 году (Кн. пер. Нил. Столб. 86 — КДРС). Ограда входила в состав дворового строения, одним из основных ее элементов были ворота; были, кроме этого, и задворные, и полевые постройки⁴. Но ограда не была национальным символом Руси, в Западной Европе или Азии ограды были гораздо крепче: их строили из камня, глины и кирпича, стены поднимали выше человеческого роста. Русские ограды, хотя и отличались разнообразием, но их плели из прутьев, делали из тонких стволов деревьев. Они не столько защищали от

³ Колесов В. В. Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра. СПб., 1998. С. 49.

⁴ Шенников А. А. Крестьянские усадьбы в XVI–XVII вв. // Архитектурное наследство. Т. 143. М., 1962. С. 66.

незванных гостей, сколько преграждали доступ скоту, обозначали границы владения. Конечно, в древности, особенно на севере, бывали ограды и посерьезнее, из толстых стволов деревьев или камня и кирпича. Лексико-семантическая организация тематической группы «названия ограды» была достаточно системной. Формирование ее заняло несколько столетий, а типы оград (и их названий) различались территориально, что зависело от структуры лесных массивов, характерных для того или иного региона.

Прежде всего обратим внимание на наличие родовых наименований, часть из которых выполняла только функцию общего наименования (*городьба, изгорода*), а другие в зависимости от смысла контекста могли варьировать свою роль: то родовые, то видовые (*забор*).

В некоторых примерах, приводимых далее, будут указываться и конкретные названия изгородей (*тын, забор, замет, острог, частокол, скит*), и названия элементов, из которых состоит изгородь (*прясл, столб, частокол, жердь, ворота*), и названия составных элементов ворот (*верей, калитка, щит*).

Городьба: да около двора *городба тын стоячей*; да около двора *городба в забор*; от улицы ворота *и городба в замет* (1586 г., В. Новгород — Кн. ям. 46, 47, 59); а *городьбы* около двора *в замете* пять прясел, да две верей новые у ворот лежат (1613 г., купчая, В. Новгород — АС, т. II, с. 775); круг двора *городба*. . . *замет и прясло частоколу а частокольная городьба* пополам (1627 г., Москва, купчая — Мат. Москвы, ч. II, с. 619); продал на дворе избу и *дворовую городбу* (1632 г., Воронеж. у. — Ворон. а., кн. 1, с. 207); а позади двора *городьба частоколь* (1645 г., Москва, роспись — Дд, кн. 2, 681); да кругом двора *городба* дватцат шесть прясел *заборишку* (1652 г., память, Москва — Моск. речь, с. 336); у ворот была *городьба пряслои*, и тово нет (1653 г., отписка, Звенигород. у. — А. Морозова, ч. 1, с. 185); около двора *городьба острог* ставлен в сосновом лесу (1668 г., Твер. у. — Заб. Дом. быт, ч. 1, с. 443); около двора *городьба скиту* дубового (1678 г., Белгород — Котков, с. 145); кругом двора *городба* плетневая (1689 г. Моск. у., отп. кн. — Д. Шакл., т. IV, с. 435);

дворовая горожса — полный дублет *дворовой городьбы*, представлено одним примером: да *дворовои горожси* трети жеребеи (1636 г., Мценск, отказн. кн. — Южн. отк., с. 182). См. также *горожса* и *огорожса*: да окол двора *огорожса забор* и жердя что есть какой *горожси* (1691 г., Белев. у. — АЮБ, т. 2, с. 408–409).

Из конкретных наименований наиболее популярны в старорусский период *заборъ* и *заметъ* как разновидности городьбы. Примеры из Великого Новгорода свидетельствуют, что были и *заборы в замет*, и *заметы в забор*, т. е. принципиальной разницы между этими типами городьбы не было: *забрати*, *заметати* имело значение ‘закладывать доски, жерди в пазы столбов или вставлять между столбами иным образом’: *городьба* около двора *забирана* в столбах *забором* (1671 г., Н. Новгород — Разгром Разин., с. 236). Забирали и заметывали не только изгороди, но и стены различных построек, но нас в данном случае интересует терминология русских изгородей, которые следовало «около всего двора забрать и покрыть и стотовать» (1672 г., поручная, Олонец — АЮ, с. 329).

Заборъ — заборчику состоял из прясел (звеньев): около двора городьба *в забор*; от улицы ворота и *забор в замет*; около всего двора *замет в забор* (1586 г., В. Новгород — Кн. ям., 47, 56); да пять *прясел забору* (1645 г., Москва, роспись — Дд, кн. 2, с. 681); кругом двора городьба дватцат шесть прясел *заборчику* (1652 г., Москва, память — Моск. речь, с. 336); около двора и огорода кругом городьба *в забореx* (1654 г., купчая, Шуя — Опис. Шуи, с. 309).

Замет имел ту же структуру, что и *забор*: состоял из прясел, которые представляли собою стенки между столбами, забранные досками, жердями, бревнами сплошь или с промежутками; судя по показаниям письменных источников, слово *замет* все же преимуществовало и по частоте, и по началу употребления (в СлРЯ XI–XVII первая цитата относится к 1559 г., ср. наши данные): двор огорожен *заметам* в столбы (1500 г., Волоколамск — А. феодр. земл., 30); велел вокруг ямского двора *замет заметати* или тын поставить (1513 г., Москва, грамота — ААЭ, т. 1, с. 126); а поваренной де *замет* розвезли ратные люди казаки и иноземцы на караулы на дрова (1615 г., Москва, грамота — ДАИ, т. II, с. 66); около двора городьба *прясла в замет* (1700 г., купчая — Влад. губ. вед. 1856. № 24).

Заплот-заплота — редко употребляемое название бревенчатой ограды-навеса вокруг дворовых построек, образованное от глагола *заплотити*: (см. его описание в первом примере), кроме того, *заплот* — стена постройки, стена между постройками: около двора *заплотины* и с кровлею, и с жердьем, и с поветью (1583 г., Двина — СГКЭ, т. 1, с. 257); изба да клет с потклетом да *заплот* дворовой (1626 г. — Кн. там. Тур. острога, л. 98 об.); и *заплоти* где будет надобно новые *забират* (1678 г., Важск. у. — Рус. яз. Источники,

171); около двора построен тын и *заплота* в столбах новое (1689 г., Холмогоры, купчая, — СГКЭ, т. II, с. 219). Все выявленные нами случаи употребления относятся к концу XVI–XVII вв. и связаны с севернорусской территорией (Важский уезд, Холмогоры, Двинской уезд, Сольвычегодск, Туринский острог).

Кстати, хорошо известное по церковно-религиозным текстам слово *оплотъ* (с отвлеченно-абстрактным значением ‘защита вообще’) в тех же севернорусских текстах приобрело варианты *оплотъ* — *оплота* и обозначало тот же предмет, что и слово *заплоть*: оплот круг двора сделать новой (1699 г., Тотем. у. — АХУ, ч. 1, с. 1469); круг двора оплота (1618 г., Двина — АХУ, ч. II, с. 305).

Наименования изгородей от глагола *городити* (*загорода, изгорода, изогорода, изгородь, оградъ-ограда, оградецъ, оградница, ограждение* — СлРЯ XI–XVII, вып. 5–6, с. 12) хорошо зафиксированы в XV–XVI вв., но в XVII в. уступают по употребительности *замету, забору, тыну, плетню*. Добавим только отсутствующее в СлРЯ XI–XVII вв. слово *изгородишка*: и *изгородишки* около дворишков обломали (1648 г., чел., Симонов мон. — Дд, кн. 2, с. 888).

Москва и Великий Новгород хорошо знали слово *плетень* как название изгороди, причем было принято двор со стороны улицы загораживать заметом, а заднюю сторону двора прикрывали плетнем, что характеризует и более низкое по сравнению с забором и заметом качество плетневой изгороди: двор оплетен *плетнем* (1510–1511 гг. — А. феоd. земл., с. 57); от улицы замет, ворота заставлены досками, а назаде двора *плетень* (1586 г., В. Новгород — Кн. ям., с. 54); двор огорожен *плетнем* (1592 г., Радонеж. у. — А. тяг., вып. 1, с. 78); казаки де и избы опять ставили и *плетень* хотят около их плестъ по-прежнему (1625 г., Москва, расспрос — Дд, кн. 1, с. 235); тот де двор не строен... около его городьба худа, огорожен *плетнем* (1637 г., Москва — цитата из вяземской челобитной — Рус-бел. связи, с. 148); возле одной избы анбар, возле другой клетъ, один огорожен забором, другой *плетнем* (1676 г., Москов. у. опись — ДГП, кн. 1, с. 246).

Забор забирали, замет замечывали, плетень плели, а тын тынили, т. е. сооружали из вбитых в землю бревен, иногда заточенных сверху (ср., например, с частоколом, который набирали из тонких сосновых или березовых кольев, вплетаемых между жердями). Тын был сооружением внушительным по сравнению с плетнем и забором, названия его разновидностей говорят о наличии нескольких

типов плетней, иногда одновременно на одной и той же территории: *тын вострой*, *тын в замет*, *тын стоячий*, *тын лежащий*: велел вокруг ямского двора замет заметати или *тын* поставити (1513 г., Москва, гр. вел. кн. Вас. Ив. — ААЭ, т. 1, с. 126); около двора половину *тыном* тынено (1571–72 гг., Москва — Кн. п. Моск., т. II, с. 1539); около двора *тын вострой* дву сажень (1568 г., Белоз. у. — ГКЭ, т. II, с. 129); меж избы и клетки спереди сени *тын стоячей*, а назаде сеней *в замет* (1586 г., В. Новгород — Кн. ям., с. 58); около двора *тын лежащей бревенной*; да на горе на заду того двора старого *стоячево тыну* 60 тынин (1663 г., роспись, В. Новгород, Псков — Рус-швед. отн., с. 225); около того двора *тын стоячей колотой* дубовой (1685 г., Воронеж — ГАВО, ф. 182, оп. 2, № 1, л. 3). Зафиксирован также деминутив *тынишка*: поставил избенку, клеть и тынишка самоволством (1674 г., Воронеж, чел. — Тр. Воронеж. УАК, вып. V, с. 123). Укажем дополнительно географию других зафиксированных письменностью случаев употребления: Московский уезд, Каширский уезд, Холмогоры, Олонец, Двинской уезд, Белгород, Курск, Короча, Симбирский уезд. Слово *тын* отмечено в словарях XVIII–XIX вв.: Целлариус (с. 192) и Бурнашев (с. 297).

Существовали еще такие редкие типы изгородей как *острогъ* и *скитъ*: около двора городьба — *острог* ставлен в сосновом лесу (1668 г., Твер. у. — Заб. Дом. быт, ч. 1, с. 443); двор огородить *скитом*; около двора городьба *скиту* дубового (1678 г., Курск, Белгород — Котков, с. 145).

Теперь перейдем к названиям элементов изгороди: *столбъ*, *жердь*, *частокол*, *ворота (забор)*, *берея*, *калитка*.

Важнейшая часть изгороди — столб, приведем примеры, где тип изгороди характеризуется именно по наличию столбов (название типа изгороди + *в столбах*): двор огорожен *заметам в столбы* (1500 г., Волоколамск — А. феод. земл., с. 30); городьба около двора *забирана в столбах забором* (1671 г., Н. Новгород — Разгром Разин., с. 236); около двора построен тын и *заплота в столбах* новое (1689 г., Холмогоры, купчая — СГКЭ, т. II, с. 219).

Частокол — это и название типа изгороди, и название материала (частоколина — разновидность тонкой жерди), из которого делается изгородь: а круг двора городьба замет и прясло *частоколу*. . . а частокульная городьба поломана (1627 г., купчая — Мат. Москвы, ч. II, с. 619); а позади двора городьба *частокол* (1645 г., роспись,

Москва — Дд, кн. 2, с. 681); около двора городьба, в городе одна половина загорожена тыном и *частоколом* (1691 г., Симбирск, купчая — Мат. ист. и юрид., т. 3, с. 68).

Изгородь состояла из *прясел* — *звеньев*. Пряслами измерялись частокол, замет, забор; прясла были дощатые и бревенчатые. Слово это хорошо описано в СлРЯ XI–XVII (вып. 21, 32), см. еще неучтенный вариант *прясна*: круг двора городьба заметом двадцать шесть *прясен*, пять *прясен* неполны (1654 г., Моск. у. — А. гр. распр., т. II, с. 265). Зафиксировано в СлРЯ XI–XVII *звено* как элемент забора (вып. 5, с. 349).

Слово *ворота* не является новацией применительно к изгороди, оно известно в письменности с древнейших времен, однако в наших материалах зафиксированы названия разновидностей ворот, которые не учтены новейшими словарями (*ворота передние, большие — маленькие, створные — створистые — створчатые, тчанные — щанные; ворота щитом, об одном щиту (о двух щитах, о трех щитах); ворота притвором, ворота с калиткою*): около двора тын вострой дву сажень, *ворота щанные* (1568 г., кн. отпис. — ГКЭ, т. II, с. 129); изба да клеть да *ворота передние* (1615 г., Переяславль — Там же, т. IV, с. 339); сени дву сажень с логтем да *ворота створчатые* (1645 г., Москва, роспись — Дд, кн. 2, с. 681); *ворота створистые с калиткою*, верей резные (1654 г., В. Новгород, данная — РИБ, т. V, с. 112); на улицы двое *ворота*: одне *большие*, а другие *маленькие с верями* и з заметы (1663 г., Псков — Кн. Поганкина, с. 3); а городьба около двора забирана в столбах забором, *ворота тчанные, створные* (1671 г., Нижегород. у. — Разгром Разин., с. 236); двор его, Агеев, горожен тыном, *ворота притвором* (1676 г., Воронеж, опись — Тр. Воронеж. УАК, вып. 5, с. 463); *ворота о трех щитах* (1688 г., Москва, купчая — МДБП, с. 187); городьба заборы, *ворота большие об одном щиту с калиткою* (1691 г., Москва, закладная — АЮБ, ч. II, с. 21); *ворота о дву щитах* (XVII в., Москва, купчая — Мат. Москвы, ч. II, с. 703. В былинах упоминаются «*ворота стеклочатые. . .* (от удара копьём. — Г. С.) *воротечка* скочили серед двора и раскололися» (кон. XVII в. — Былин, с. 195).

Вероятно, понятия «щит» и «створка» применительно к воротам тождественны, а выражения *ворота щитовые — ворота створчатые* синонимичны. *Ворота тчанные, ворота щанные* — это ворота дощатые.

Приведем более ранний, чем в СлРЯ XI–XVII, пример с деминутивом: да чюланишко да *воротишка* да кругом двора городба (1652 г., память — Моск. речь, 336). Отсутствует в указанном словаре и слово *воротечка*: ударил он в ворота стекочятые вострым копьём своим, *воротечка* скочили серед двора и раскололися (кон. XVII в. — Былины, с. 195).

В севернорусских актах изредка отмечается диалектное для старорусского языка слово *завор*: съ ево Ивашкава двора тое ж лошади следъ пошел санми теми же гумны в ынои *заворъ* (кон. XVII в., Суздал. у. — Гр., с. 278).

В заключение темы «изгороди и ворота» приведем пример более раннего, чем в СлРЯ XI–XVII, употребления слова *калитка*: ворота створистые с *калиткою*, верей резные (1654 г., В. Новгород, данная — РИБ, т. V, С. 112).

Таким образом, необходимость характеризовать предмет побуждала древнерусского писца к поиску адекватных средств для описания предмета, заставляла задумываться над смыслом слов и выражений. Практика составления разного рода описей (рописей, списков) в средневековой России была повседневной: этого требовала торговля, таможенное дело и судопроизводство, родственные и коммерческие отношения и т. п. Самым тщательным образом описывалось любое имущество, вплоть до заплата на одежде. Наиболее актуальными, как показывают наши наблюдения, явились три способа описания (и соответственно — именованя) предмета: 1) непосредственное указание на функцию, предназначение предмета; 2) указание на несколько типичных свойств предмета с помощью синонимического ряда; 3) указание на самое характерное свойство предмета через мотивировочный признак наименования. Во всех этих случаях писец должен был и этнографически точно описать предмет, и по возможности точно назвать его или привести ряд тождесловов, связанных с понятием о данном предмете.

Сокращения

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук. Т. I–IV. СПб., 1836.

А. гр. распр. — Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Т. I–II. Киев, 1860–1863.

А. Можайск. — Можайские акты, 1506–1775 гг. СПб., 1892.

А. Морозова — Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова. Ч. 1–2. М.; Л., 1940–1945.

А. Подмоск. — Смутное время Московского государства. Вып. 5 (ЧОИДР. 1911. Кн. 4).

АС — Архив П. М. Строева. Т. I–II. СПб. — Петроград, 1915–1917 (РИБ. Т. 32, 35).

А. Си. м. — *Вазромеев И. А.* Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. Вып. 1–3. М., 1896.

АСЭИ-III — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI вв. Т. 3. М., 1964.

А. тяг. — *Дьяконов М.* Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве. Вып. 1. Юрьев, 1895.

А. фео. земл. — Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты Московского Симонова монастыря (1506–1613 гг). Л., 1983.

АХУ — Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. I–III. СПб., 1890, 1894, 1908 (РИБ. Т. 12, 14, 25).

АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. I–III. СПб., 1857–1884.

АЮ — Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838.

Багалай — *Багалай Д. И.* Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. Т. 2. Харьков, 1890.

Бер. — Лексикон словеноросский Памви Беринди. Киев, 1961.

Бурнашев — *Бурнашев В. П.* Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. Т. 1–2. СПб., 1843–1844.

Былины — Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков. М.; Л., 1960.

Вейсман — *Вейсман Э.* Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка. СПб., 1731.

Вен. сл. — *Das wiener deutsch-russische Worterbuch.* Berlin, 1983.

Влад. губ. вед. — Владимирские губернские ведомости.

ВОИДР — Временник общества истории и древностей Российских.

ВОКМ — Вологодский областной краеведческий музей.

ВМЧ — Великие Минеи-Четии. М.; СПб., 1868–1917.

Ворон. а. — Воронежские акты, кн. 1. Воронеж, 1851.

Востоков — *Востоков А. Х.* Словарь церковнославянского языка. Т. 1. СПб., 1858.

Вр. Ив. Тимоф. — Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951.

ВХК XVI в. — Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Приходные, расходные и окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1574–1600 гг. Т. I–II. М.; Л., 1979.

- ГАВО — Государственный архив Вологодской области.
- ГКЭ — *Шумаков С.* Обзор грамот Коллегии экономии. Т. I–IV. М., 1900–1917.
- Греков — *Греков Б. Д.* Монастырское хозяйство XVI–XVII вв. М., 1924.
- Гр-ки — Грамотки XVII — начала XVIII века. М., 1969.
- ДАИ — Дополнения к актам историческим, собр. и изд. Археографической комиссией. Т. 6. СПб., 1852.
- Дд — Донские дела. Кн. 2. СПб., 1899 (РИБ. Т. 24).
- Д. Пос. Колом. — *Титов А. А.* Иосиф — архиепископ Коломенский (дело о нем 1675–1676 гг.) // ЧОИДР. 1911. Кн. 3.
- Державина — *Державина О. А.* «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965.
- Домострой. Заб. — ВОИДР. 1850. Кн. 6.
- ДТП — Дела Тайного приказа, кн. 1. СПб., 1907 (РИБ. Т. 21).
- Д. Шакл. — Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках (1689–1725 гг.). Т. I–IV. СПб., 1884–1893.
- Ж. Дан. Пер. — Житие преп. Даниила, переяславского чудотворца. М., 1908.
- Заб. Дом. быт — *Забелин И.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Ч. 1. М., 1895.
- Заб. Мат. — Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы, собр. и изд. руководством и трудами И. Е. Забелина. Ч. 1. 1884.
- КДРС — Картотека «Словаря русского языка XI–XVII вв.» (Москва, ИРЯ РАН).
- Кн. п. Моск. — Писцовые книги Московского государства. Т. 2. М., 1875.
- Кн. Поганкина — Книги псковитянина посадского торгового человека Сергея Иванова сына Поганкина. Псков, 1870.
- Кн. пр.-расх. Волоколам. м. — *Тихомиров М. Н., Флоря Б. Н.* Приходо-расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 1606–1607 гг. // Археографический ежегодник за 1966 год. М., 1968.
- Кн. расх. Помест. пр. — *Соколова А. А., фон Мекк А. К.* Расходные книги и столпы Поместного приказа. Кн. 1. М., 1910.
- Кн. там. Тур. острога — Книга таможенная Туринского острога 1626 года (Рукопись ЛОИИ. Л. 115, № 286).
- Кн. ям. — *Гурлянд И. Я.* Новгородские ямские книги 1586–1631 гг. Временник Демидовского юрид. лица, кн. 82 и 83. Ярославль, 1901.
- Колон. Якут. — Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. Л., 1936.

Короча — *Котков С. И., Ларионова А. П.* Материалы Корочанской приказной избы // История русского языка. Исследования и тексты. М., 1982. С. 376–384.

Космография — Книга глаголемая Козмография сиречь описание сего света земель. СПб., 1878–1881.

Котков — *Котков С. И.* Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI–XVIII веков. М., 1970.

Лет. рус. лит-ры — Летописи русской литературы и древности. Т. 3. М., 1861.

Мат. Ворон — Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Т. 2. Воронеж, 1891.

Мат. ист. и юрид. — Материалы исторические и юридические района б. приказа Казанского дворца. Т. 3. Симбирск, 1884.

Мат. Костромы — *Скворцов Л. П.* Материалы для истории г. Костромы. Ч. 1. Кострома, 1913.

Мат. Москвы — *Забелин И. Е.* Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы. Ч. I–II. М., 1884–1891.

МДБП — Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М., 1968.

Моск. речь — *Котков С. И.* Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М., 1974.

Моск. театр — Московский театр при царях Алексее и Петре (ЧО-ИДР. 1914. Кн. 2).

Н. Новгород в XVII в. — *Антилогов Г. Н.* Нижегородские документы XVI в. (1588–1600 гг.). М., 1977.

Номенклятор голланд. — Номенклятор (лексикон на латинском, русском и голландском языках). Амстердам, 1700.

Номенклятор немецк. — Номенклятор (лексикон на латинском, русском и немецком языках). Амстердам, 1700.

Олонецк. сб. — Олонецкий сборник. Вып. 3. Петрозаводск. 1901.

Опис. аптек. — Опись аптекарскому и иным дворам и Московского и иных городов уездов волостям и селам и заводам, которые ведомы были приказу тайных дел в 1677 г. (Зап. отд. русской и слав. археологии имп. Русского археологического об-ва. Т. 2. 1861. С. 44–12).

Опис. Шуи — *Борисов В. А.* Старинные акты, служащие дополнением к описанию г. Шуи. М., 1851.

Пам. моск.-перс. — Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 1. СПб., 1890.

Пам. СРЛ — Памятники старинной русской литературы. Вып. 1. СПб., 1860.

Пр.-расх. кн. Симбирск. приказной избы — *Зерцалов А. Н.* Материалы для истории Симбирска и его уезда. Симбирск, 1896.

- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 37. Л., 1982.
- Разгром Разин. — Разгром Разинщины, Л., 1934.
- РИБ — Русская историческая библиотека. Т. 5. СПб., 1878; Т. 17. СПб., 1909.
- Рус-бел.связи — Русско-белорусские связи. Сб. документов (1570–1667 гг). Минск, 1963.
- Рук. лекс. — Рукописный лексикон первой половины XVIII в. Л., 1964.
- Рус. яз. Источники — Русский язык. Источники для его изучения. М., 1971.
- Рус-швед. отн. — Русско-шведские экономические отношения в XVII в. Сб. документов. М.; Л., 1960.
- Сб. Петра — Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом, т. 1. М., 1872.
- Сб. Щук — Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина. Ч. 3. М., 1897.
- СГКЭ — Сборник грамот Коллегии экономии. Т. 1–2. Пг., 1922 — Л., 1929.
- Симони — Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий. Собр. и приготовил к печати Павел Симони. СПб., 1899.
- СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М., 1975 — (издание продолжается).
- Соболевский — *Соболевский А. И.* Великорусские песни. Т. 1. СПб., 1895.
- Суб. Мат. — Материалы для истории раскола за первое время его существования. Т. 4 / Под ред. Н. Субботина. М., 1878.
- ТК — Таможенные книги Московского государства XVII века. Т. III. М.; Л., 1951.
- ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН. Т. 36. Л., 1981.
- Тр. Воронеж. УАК — Труды Воронежской ученой архивной комиссии. Вып. 5. Воронеж, 1914.
- Тр. Вят. УАК — Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вып. 5, 1910.
- Тр. Новгород. ГУАК — Труды Новгородской губернской ученой архивной комиссии. Вып. 1. В. Новгород, 1912.
- Целлариус — Российской Целлариус, или этимологический российский лексикон... М., 1771.
- ЧЦИДР — Чтения общества истории и древностей Российских.
- Шумаков — *Шумаков С.* Сотницы (1537–1597 гг.), грамоты и записи (1561–1696 гг.) (ЧОИДР. 1902. Кн. 2).

Южн. отк. — Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги. М., 1977.

Яковлев — *Яковлев А.* Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. Т. 1. М.; Л., 1943.